

Максим Горький

Ответ А. А. Карелину

Максим Горький
Ответ А. А. Карелину

«Public Domain»

1896

Горький М.

Ответ А. А. Карелину / М. Горький — «Public Domain», 1896

«Милостивый государь! Ваш пример неумения толпы читать литературные сюжеты на произведениях живописи несколько неудачен. Риксенс воспроизвёл на своей картине такой момент из легенды о дон-Жуане, который не трактовался ни Мольером, ни Толстым и никем из авторов, пользовавшихся легендой (имеются в виду пьеса французского драматурга Ж.-Б. Мольера „Дон-Жуан“ и драматическая поэма А. К. Толстого „Дон-Жуан“ – Ред.); этот момент является результатом устного творчества массы, создавшей легенду; он не вошёл в общеизвестную литературу о дон-Жуане, а потому и не мог быть знаком лицам, суждения которых вы слышали пред картиной Риксенса...»

Максим Горький

Ответ А.А.Карелину

Милостивый государь!

Ваш пример неумения толпы читать литературные сюжеты на произведениях живописи несколько неудачен. Риксенс воспроизвёл на своей картине такой момент из легенды о дон-Жуане, который не трактовался ни Мольером, ни Толстым и никем из авторов, пользовавшихся легендой (имеются в виду пьеса французского драматурга Ж.-Б. Мольера «Дон-Жуан» и драматическая поэма А. К. Толстого «Дон-Жуан» – Ред.); этот момент является результатом устного творчества массы, создавшей легенду; он не вошёл в общеизвестную литературу о дон-Жуане, а потому и не мог быть знаком лицам, суждения которых вы слышали пред картиной Риксенса.

Непонимание современными культурными людьми религиозного искусства Византии, приводимое вами в опровержение моих слов о том, что искусство должно быть просто, ясно и понятно, – не опровергает моего положения и решительно ничего не доказывает. Религиозная живопись от веков, следовавших тотчас же за периодом иконоборства и до предшественников Рафаэля была проникнута мистицизмом, вполне понятным и родным настроению людей того времени. На всём протяжении своего существования это искусство имело тот же служебный характер, какой имеют в данное время для нас рисунки в бытоописательных и исторических книгах, но, конечно, общее психологическое значение его было обширнее и глубже значения наших иллюстраций. Художник средних веков, изображая религиозный сюжет, был глубоко убеждён в том, что он изображает действительность, правду, и хотя он рисовал сверхчувственное, но как бы оставался реалистом. Религиозное предание принималось художником за факт. Художник был проникнут сознанием его буквальной правды и передавал его как действительность, с бесхитростной верой, а публика того времени подходила к его картине в настроении таком же, каково было настроение художника в момент творчества. Художник той эпохи изображал не грёзы и не отвлечение, а документы и факты – ибо религия тогда была реальным фактом, – каждый имел её в себе, и все были проникнуты ею. Художник того времени был убеждён и мог убедить, в нём была сила, необходимая для этого, и силу эту он почерпал в вере. И если действительно византийская живопись нам не понятна, то только потому, что мы слишком далеки от того настроения и того веяния мысли, под влиянием которых она сложилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.